

Владислав Иноземцев. На пальцах всё просто...

Григорий Ржешевский, доктор экономических наук (Москва)

РОССИЯ ПОСЛЕ КРЫМА

ПО ПОВОДУ ОДНОБОКОСТИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ В ОТНОШЕНИИ
ВОССОЕДИНЕНИИ РОССИИ И КРЫМА...

В

«РБК daily» (15.09.2014) вышла статья Владислава Иноземцева «Как изменилась Россия за полгода после Крыма». Статья небольшая, но автору удалось сконцентрировать в ней, возможно, всю основную критическую аргументацию либерального лагеря по вопросу политики российского руководства в отношении Крыма и Украины. Эта аргументация построена, главным образом, в виде формулировок пяти «самых очевидных» различий в сегодняшнем состоянии

российского общества и тем, каким оно было в докрымский период, точнее 5-10 лет назад (видимо отсчет начала упадка следует вести не с «аннексии» Крыма, а намного раньше, как минимум – с ареста Ходарковского).

Различий в состоянии российского общества действительно немало. Тема это важная и интересная, и едва ли не каждый публицист по данному вопросу высказался, а то и не раз.

И если в формате журналистского репортажа по самым горячим следам вполне уместно было при анализе ситуации акцентировать внимание на каком-то одном аспекте, и предлагать те или иные оценки в зависимости от личных пристрастий, то от Владислава Иноземцева – крупного ученого экономиста и политолога – читатель вправе был ожидать более серьезного и всестороннего анализа, тем более, что и времени для этого прошло уже достаточно: на персональном сайте автора статья была размещена спустя ровно полгода после проведения крымского референдума.

Однако автор, приводя свои пять «самых очевидных» различий, делает явный акцент лишь на одну сторону проблемы, а именно на исключительно негативные последствия для России присоединения Крыма. Сам этот подход, привычный для ангажированного журналиста, для известного ученого выглядит более чем странно.

Но, может быть, никаких позитивных последствий и вовсе нет, а если даже и есть, то далеко не «самые очевидные»? Ну что тут можно сказать? Давайте навскидку приведем несколько позитивных для России последствий, бросающихся в глаза.

Первое (хотя вовсе не самое главное). Сам факт приобретения территории (27 000 км²), находящейся, во-первых, в весьма благоприятной и крайне дефицитной для России климатической зоне, во-вторых, в стратегически важной (особенно для нашей страны) части Европы, и в-третьих, имеющей на редкость удачный рельеф с точки зрения обеспечения портового хозяйства разного назначения.

Второе. Подавляющее большинство населения этой территории (два миллиона человек, между прочим) проявили явную симпатию к российской государственности и выразили несомненное желание воссоединиться с Россией.

Третье. «Легализация» российского черноморского флота, перспективы которого до воссоединения Крыма были под вопросом.

Конечно, это далеко не полный перечень позитивных последствий. Безусловно, есть и четвертое, и пятое, и десятое. О факторе подъема национального самосознания пока что вообще не упоминалось. Не был также затронут вопрос о неизбежных – если не катастрофических – последствиях гипотетического отказа российского руководства от воссоединения Крыма.

Но даже если рассмотреть хотя бы эти три вышеперечисленных позитивных последствия, неужели возможно их не заметить, или считать не очень существенными?

Кажется, здесь именно тот случай, который имел в виду дедушка Крылов со своей крылатой фразой «Слона-то я и не приметил».

Впрочем, пора, конечно, хотя бы вкратце остановиться на изложенных Иноземцевым пяти «самых очевидных» различий.

Итак, суть **первого** различия заключается в том, что Россия стала страной изгоем – «*отъявленным нарушителем международного права*», ибо «*Крым не имел юридической возможности выйти из состава унитарной Украины, и это значит, что он был де-факто аннексирован Москвой*».

Вообще-то на эту тему написано много и детально комментировать данный тезис не очень-то и интересно. Но представляется необходимым сделать следующее замечание, ибо тезисы подобного рода достаточно распространены, и везде повторяется одна и та же методологическая ошибка.

Суть ее в том, что оценка того или иного события или явления дается без учета контекста, т.е. реального международного опыта. Как будто некий профессор-правовед сравнивает конкретное событие с неким документом по международному праву и выносит заключение, соответствует ли оно документу или нет: если соответствует, то все нормально, если нет, то субъект квалифицируется как «отъявленный нарушитель международного права».

Но в жизни-то так не бывает; вернее бывает, но далеко не всегда и не для всех. Надо смотреть контекст, и тогда может оказаться, что аналогичные события и подобные нарушения происходили и происходят сплошь и рядом.

Но в одних случаях для них находят оправдания, в других нет. Даже если рассматривать постсоветский период, сколько раз США самым грубейшим образом нарушали международное право, в результате чего в итоге гибели не тысячи, а сотни тысяч людей. Здесь можно вспомнить Ирак, Сербию, Афганистан, Сирию, Ливию, и везде горы трупов, и... никаких санкций, и никто не называет США страной изгоем. Так что дело вовсе не в международном праве, а в праве сильного. Конечно, гораздо комфортнее ощущать себя в лагере лидеров, в лагере сильных, ну а некоторые «изгой» предпочитают считать, что «не в силе Бог, а в правде».

Впрочем, возможно, что логика автора основывается на том предположении, что нарушать те нормы, которые уже многократно нарушались, все-таки можно, а те, которые давно не нарушались – нельзя. Действительно, США позволяли себе бомбить чужие страны довольно часто: и полвека назад, и десять лет назад, и год назад, и сейчас бомбят.

В результате были и прецеденты сецессии, т.е. отторжения части территории (Косово). А вот примеров присоединения без согласия официальных властей присоединяемых действительно давно уже не было: последний пример, который приходит на память, это Вьетнам (1975 г.).

Но если бы В.Иноземцев подобную логику продекларировал (а он этого прямо не делал), то и с этим можно было бы поспорить, ибо на поверку выходит, что все грубейшие нарушения международного права в постсоветский период, результатом которых была гибель огромных масс населения, приходится на США и их союзников, а Россия в последние четверть века вообще никаких нарушений норм международного права не допускала. (Несопоставимый по масштабам короткий эпизод с Южной Осетией не в счет, поскольку произошел он на фоне нападения на российский миротворцев, находящихся в стране по международному соглашению.)

И тут Крым: сначала сецессия и почти сразу бескровное воссоединение. И вот оказывается, что Россия – злостный нарушитель, а США – виновник гибели сотен тысяч людей – гарант международного права. Логика явно несостоятельная.

В более наглядном виде ее недавно удачно сформулировал Михаил Хазин следующим образом: «Запад считает, что Россия не только должна признать право Запада на разработку «правил игры» (тут мы пока мало что можем сделать), но и признать монопольное его право на их интерпретацию и одностороннее их

ПЯТАЯ КОЛОННА ▲

изменение». То, что Запад так считает – это понятно, но мы-то разве должны так считать?

Ну, и несколько дополнительных замечаний по тому же пункту. В.Иноземцев обосновывает факт аннексии тем обстоятельством, что «Крым не имел юридической возможности выйти из состава унитарной Украины». Но на самом-то деле отсутствия такой возможности – разве это вина России или Крыма? Это выбор украинского правящего класса! Вот в Британии аналогичный вопрос в отношении Шотландии был решен иначе. А чем население Крыма хуже?

Впрочем, совсем бы не хотелось забалтывать данную тему: здесь только открой словесный кран (что «хол», что «гор») – поток не остановишь. Хотелось бы только напомнить один исторический факт. Крым был действительно аннексирован Россией... в конце XVIII века.

Примерно тогда же северо-американские сепаратисты бросили вызов Британской империи, а английской парламент начал антитеррористическую операцию, продолжавшуюся почти 8 лет. После этого и Россия и в особенности США еще много чего аннексировали. Это так, к слову. То, что произошло весной 2014 года, было конечно не аннексией, а возвратом когда-то по недоразумению переданной территории, к тому же с нарушением формальных процедур. Так что не надо всуе бросаться терминами, заведомо носящими негативную коннотацию.

Говоря о **втором** различии В. Иноземцев утверждает, что посткрымская Россия — это страна, сознательно поставившая крест на экономическом росте Автор указывает на рост запретов и ограничений и делает вывод, что «*посткрымская Россия — это Россия авторитарная*».

Тезис выглядит неубедительно. Во-первых, количество ограничений само по себе мало о чем говорит: думается, что в Евросоюзе их не меньше. То, что некоторые из них, возможно, избыточны, так это вполне вероятно, зато многих иных ограничений явно не хватает.

А если говорить об авторитаризме, то, во-первых, масса примеров и аргументов (в т.ч. и из отечественной истории) подтверждают, что в определенных ситуациях авторитарные меры необходимы для экономического роста (или просто для выживания в кризисной ситуации), а во-вторых, пусть автор вспомнит неавторитарные периоды российской истории.

Пожалуй, что на память приходят одни смуты: что в начале XVII века, что несколько месяцев 1917 года, что более поздний период 1989-1993 гг. И, кажется, все! Так что авторитаризм – вовсе не посткрымская особенность российской истории.

Далее, **третье** различие, по мнению В.Иноземцева, заключается в том, что *посткрымская Россия — это страна, отказавшаяся от реального шанса поймать новую технологическую волну*, поскольку необходимые технологические заимствования будут резко сокращены, и страна потеряет шанс войти в группу технологических лидеров.

Отсюда убийственный вывод, что «*посткрымская Россия — это Россия ретроградная*».

На этот счет (как, впрочем, и в отношении второго различия) достаточно заметить, что в той мере, в какой данная автором оценка справедлива, она справедлива не для посткрымского, а целиком для ельцинского этапа. Именно тогда Россия сделала решающий шаг к превращению в сырьевой придаток высокоразвитых и динамично развивающихся стран, именно тогда были сданы позиции – пусть не лидирующие, но весьма достойные – в целом ряде высокотехнологичных отраслей.

И, что важно отметить, в рамках неавторитарной либеральной парадигмы у России в XXI веке уже не было шансов поймать эту «новую технологическую волну»: в условиях глобализации для мировой экономики еще один технологический лидер просто не нужен, как не нужна ей и еще одна «мастерская мира» (Китая и его соседей вполне достаточно).

Сырьевой придаток, это да, пожалуй, именно эта ниша нам и предназначается самой логикой современного международного разделения труда, причем даже вне зависимости от всяких фобий, пристрастий или текущей политической конъюнктуры.

И совершенно ясно, что коррективы в эту логику невозможно внести в рамках правил, навязываемых странами, которыми именно эта логика и выгодна.

Четвертое различие: «*посткрымская Россия — это страна, допустившая героизацию насилия и нарушения законности... Российское руководство сегодня фактически рукополюет тем, кто практикует сепаратизм и низвергает законные органы управления. В результате наше общество все легче принимает доведенные до абсолюта двойные стандарты, становится терпимым ко лжи и обману и, что самое опасное, спокойно воспринимает насилие как инструмент решения политических и гражданских споров...*».

Серьезные обвинения, ничего не скажешь! Особенно если не учитывать международный контекст. Если исходить из той картины мира, что, мол, существует некоторое дружное мировое сообщество, где все белые и пушистые, где двойные стандарты, даже трудно вообразить, где ложь и обман – неслыханная вещь, а Устав ООН – это вообще святое.

Только на самом-то деле все ровно наоборот, и, по крайней мере, последние 30 лет, по сравнению с США и их союзниками именно Россия выглядит – в плане международных отношений – «белой и пушистой», и приводить здесь примеры представляется излишним (см. комментарий к «первому различию»).

И, наконец, о **пятом** различии. В.Иноземцев считает, что «*посткрымская Россия — это страна, в которой нарастает тенденция к исходу. Присоединение Крыма и те негативные тренды, которые порождены его последствиями, несут в себе серьезную угрозу прежнему единству страны. С одной стороны, мы и так уже видим резкое увеличение оттока населения: если, по официальным данным, число уезжавших из России в 2008–2011 годах составляло менее 40 тыс. человек в год, то в 2012-м оно достигло 122,8 тыс., а в 2013-м — 186,4 тыс. человек. ... С другой стороны, «особый статус» Крыма подтолкнет стремление других регионов страны к утверждению и их собственной «особости*».

Если абстрагироваться от интонации и, вообще говоря, закономерного беспокойства демографическими процессами в России, то достаточно заметить, что приведенные автором цифры, заканчивающиеся показателями 2013 года, относятся все же к докрымскому периоду, так что к теме они отношения не имеют.

Хотелось бы только заметить, что рост числа отъезжающих в период кризиса контрастирует только с непосредственно предшествующим периодом, но если посмотреть статистику 90-х годов, то там количество уехавших было многократно выше.

Так что демографический кризис опять же результат ельцинского, а не посткрымского исторического этапа.

Ну а что касается стремления других регионов к «особости», то здесь может все как раз наоборот: чье-то явное желание воссоединиться является признаком центристских тенденций, а не центробежных тенденций. По крайней мере, до сих пор именно такая логика преобладала.

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть, что само по себе наличие негативных аспектов, связанных с воссоединением Крыма сомнений не вызывает (они неизбежны почти при любых крупных событиях), но говорить только о них, даже не упоминая об аспектах положительных, не только неправильно, но и (в данной ситуации) безответственно. А игнорирование при этом реального исторического международного контекста данный вывод только усугубляет. ▲